

Юрий Михайлик

Самое новое

Ефиму Аглицкому

Перелетная геометрия – эстетика прямых углов.
Для летящих вниз событий полагается много слов.
Но когда самолет снижается, в молочном дыму тормозя,
удержи свою речь в гортани – нам говорить нельзя.
Мы утрачиваем право на слово каждый раз, когда самолет
в молоко, в облако, в яблоко – напросвет, увы, напролет...
Что там снизу – жара иль стужа, облако, яблоко, молоко?
Мы не смеем судить снаружи, слишком мы от них далеко.
И когда мы вернемся в подробности, в сумрак, в лунные пузыри,
мы поймем, молоко и яблоко, что нельзя судить изнутри.
Слишком больно, кроваво, оплавлено, и еще горит надо мной –
непонятной, облако – яблоко, золотой цыганской луной.

* * *

И век тяжел, и веки тяжелы,
и вязок воздух.
Степные пустоглазые орлы
недвижны в гнездах.
Короткий край крыла, укол, урок,
трава подмокла –
последнее, что видел мой сурок.
И флейта смолкла.

* * *

Колонны дорических сосен,
и – календарю вопреки –
еще не осмелилась осень
коснуться забытой реки.
Темны и спокойны глубины,
таинственной жизни темней,
большие рубины рябины
плывут, не качнувшись, по ней.
Сосновые кроны в покое,
ни шороха, ни ветерка,
и тихо скользят над рекою,
и снова по ней – облака.
Свеченье легко и прощенье,
и наши долги и грехи
прощально несет по теченью
осенняя нежность реки.

Иронические строки

* * *

Девичья строка золотая
Вся в лексике новых времен.
Гусары смутились, читая.
И конский состав удивлен.

* * *

Я против вселенских прогнозов
И против системы «гланаз».
Но личная жизнь паровозов
Достойна внимательных глаз.

* * *

Читать эти строчки неловко,
А вслух и публично – втройне.

Но в качестве татуировки
Они пригодятся вполне.

* * *

Люблю язык новейших книг.
И с тихой завистью на них
Глядит из глубины веков
Иван Семенович Барков.

* * *

Золотая лихорадка. Ждет машина у дверей.
Недостатки, неполадки, время кончилось – скорей.

Споры, сборы, сказки, были – вековечная игра,
что сложили, что забыли, нету времени – пора.

Там дорога, как отрада, сладкой тягою в груди –
звездопады, камнепады, водопады впереди.

Там знакомый, но рискованный серпантинчик грозовой,
там и коршун тростниковый низко ходит над травой,

там пятнистые олени имитируют испуг,
там полуночные тени бродят с севера на юг,

там базальтовые глыбы нависают над водой,
независимые рыбы мирно плавают с тобой.

Золотая лихорадка – наши лучшие года,
только жаждою богатства не болели никогда,

Ветер, плотный и упругий, путь один и жизнь одна,
и в глазах твоей подруги нежность, радость, тишина.

Мы придем к своим заботам – льготы, квоты, доктора,
будет бедная Тойота бить копытом у двора.

Дальний гул автомобиля. И в последней тихой мгле –
что ж мы все-таки забыли? Что забыли на земле...

* * *

Дорогая, ты знаешь, на глинистом берегу
до сих пор под утренним ветром дрожат оливы.
Серебристые узкие листья небрежны и торопливы –
ты прочтешь их попозже. А я уже не смогу.

На холодном песке – ты же помнишь, как он горяч, –
утихая, уляжется траурной темной каймою
все, что грозною ночью добудет и выловит море,
принесет и оставит – добычу для наших удач.

Это груды ракушек, медуз голубая слюда
и рыбачьи шары, и зеленые нити агара,
и стеклянные капли из августа и от загара...
Ибо море не знает, что мы не вернемся сюда.

Роман-с

В тридцать два румба курс разделив
и кратчайший согнув в дугу,
он прошел насквозь Магелланов пролив
и вдевает в ухо серьгу.

А в ближайшей таверне совьют шипцы
золотую крутую нить.
Если он на суше отдаст концы –
его будет на что хоронить.

Он ни в жизнь не хотел поменять судьбу,
дебошир, гуляка, ходок –
пусть другим проденут серьгу в губу
и приладят к ней поводок...